

Синтии Голдстоун посвящается

Да и боялся я, признаюсь, я боялся,
Но и гордынею своею наслаждался
От понимания того,
Что гостеприимства моего
Снискать пытался гость нежданный,
Являсь ко мне с земли келейной, окаянной.

Д. Г. Лоуренс «Змея»

Глава 1

Отец Джо тоже был целителем и тоже врачевал глиняные горшки. В общем-то, оба они врачевали не только горшки, но и абсолютно любую керамику, что чудом сохранилась с тех древних, довоенных времен, когда из пластмассы изготовлялось далеко ещё не всё и вся.

Вообще же, любой керамический сосуд уникален, и каждый исцелённый Джо сосуд глубоко западал ему в душу, навсегда запоминался своими формой, текстурой, тончайшими особенностями в рисунке и даже трещинками на глазурованном покрытии.

Но очевидно, времена бесповоротно изменились, и поскольку на планете сохранилось совсем немного бесценных изделий из керамики и все те из них, что требовали излечения, были уже излечены, а счастливые обладатели уцелевших экземпляров берегли свои сокровища пуще зеницы ока, то и выходило так, что нужда в услугах Джо теперь практически отпала.

«Я — лучший целитель керамики на всей Земле, — в который раз убеждал он сам се-

бя. — Я — Джо Фернрайт, и подобных мне нигде не сыщешь».

В его мастерской горами пылились разнокалиберные пустые жестянки, в коих и надлежало возвращать клиентам излеченные сосуды, вот только верстак был пуст, поскольку заказов не поступало уже семь месяцев кряду.

Месяцы вынужденного безделья — уйма времени для размышлений. Джо то прикидывал, а не бросить ли ему всё и не заняться ли чем-нибудь другим (какой вообще угодно работой), лишь бы отказаться от полагающегося ему как ветерану Войны унижительного пособия. А то когда в голову вдруг закрадывались сомнения относительно качества своих работ, ему неизбежно представлялось, что именно по этой-то причине клиенты сторонятся его и обращаются к другим целителям. Как-то раз у него даже мелькнула мысль о самоубийстве. Затем вдруг захотелось совершить по-настоящему тяжкое преступление. К примеру, прилюдно прикончить какую-нибудь шишку из Всепланетного Мирного Международного Сената. Да только какой в том будет толк? И вообще, его жизнь, как ни крути, всё же пока не абсолютно никчёмна. Ведь осталась же в ней ещё, по крайней мере, одна отрада. Ведь есть же в его жизни Игра.

* * *

Зажав в руке коробку с обедом, Джо Ферн-райт стоял на плоской крыше многоквартирного жилища, во чреве которого ютился весь последний год. Кожу щипал пронзительно-холодный утренний ветер, и Джо невольно ёжил-ся. Вот-вот должен был появиться маршрут-ный дирижаблеобус. Только он, вполне воз-можно, окажется уже битком набитым и тогда, не останавливаясь, протарахтит мимо, и опять придётся Джо плестись на работу пешком.

Пешие прогулки уже вошли у Джо в при-вычку. Оно и понятно, ведь правительство дав-ным-давно махнуло рукой на проблемы обще-ственного транспорта (как, впрочем, и на все остальные проблемы общества).

— Чёрт бы их всех побрал, — проворчал се-бе под нос Джо. — Или, точнее, чёрт бы всех нас побрал!

В конце концов, он и сам винтик всеплане-тарной партийной машины, норовящей под-чинить себе всех и каждого, а если с кем такое не получается, то изничтожить неудобного, да ещё и сделать это так, чтоб даже доброй памя-ти о нём не осталось.

— С меня довольно, — пробурчал мужчи-на рядом с Джо. На гладко выбритых, источа-ющих запах дешёвого парфюма щеках муж-чины заходили желваки. — Я так спущусь на землю да и двину на своих двоих. А всем здесь

остающимся — продуктивного времяпрепровождения.

Мужчина протиснулся сквозь толпу ожидающих, и толпа за его спиной тут же сомкнулась.

«Тоже, пожалуй, пойду», — решил для себя Джо и направился к жёлобу.

За ним последовали несколько разуверившихся в том, что, по крайней мере, сегодня их на место работы доставит средство общественного транспорта.

* * *

Оказавшись на улице, Джо ступил на весь в колдобинах и трещинах, давно требующий ремонта тротуар, глубоко вздохнул и, не торопясь, зашагал на север.

Бесшумно спланировав, над его головой почти немедленно завис патрульный крейсер.

— Эй, увалень, чего плетёшься? — ухмыляясь, прорычал сверху грома в тёмно-коричневой униформе и направил на Джо дуло лазерного пистолета. — Давай пошевеливайся, а не то возьму тебя на заметку.

— Не надо, офицер, не надо! — взмолился Джо. — Уже прибавляю шаг! Клянусь Богом, только-только вышел из дома и ещё просто не разогнался.

И Джо зашагал бойчее, старательно приравливаясь к темпу проворно снующих вокруг пешеходов. А те, похоже, как и он сам, вполне

довольствовались от жизни малым — тем, что у них была работа (или на худой конец хотя бы подобие таковой), и тем, что им в этот промозглый четверг в начале апреля две тысячи сорок шестого года в городе Кливленде, в Североамериканской Республике Граждан-Коммунаров, всё-таки было куда спешить.

* * *

Его так называемая мастерская являла собой лишь жалкую каморку-модуль, куда с трудом вмещались верстак, инструменты, груды пустых металлических футляров, приземистый столик да обитое кожей старинное кресло-качалка, принадлежавшее когда-то деду Джо, затем его отцу, а теперь и ему самому. Он просиживал в кресле день за днём, за месяцем месяц. Ещё здесь была одна-единственная белоснежная, украшенная снизу бледно-голубой глазурью, приземистая, широкая ваза из бисквитного фарфора¹. Много лет назад Джо случайно наткнулся на неё — и сразу распознал работу японского мастера семнадцатого века. Джо очень дорожил ею и умудрился каким-то чудом сохранить, несмотря на все выпавшие на его долю невзгоды и несмотря даже на Войну.

¹ Бисквитный фарфор — подвергнутое особому бисквитному обжигу керамическое изделие; поверхность такого фарфора очень белая, матовая и слегка шероховатая, что придаёт ему значительное сходство с высококачественным мрамором. (*Здесь и далее прим. пер.*)

Джо привычно забрался в кресло, и оно немедленно чуть подалось под ним там и тут, словно приспособливаясь к фигуре старого знакомого. Казалось, будто кресло так же привыкло к хозяину, как и он к нему, и даже знает все секреты его личной жизни.

Джо потянулся было к кнопке почтового ящика, да так и застыл в нерешительности. А что, если будет так же, как то и случилось все семь последних месяцев подряд? Что, если заказов опять нет? Что, если из патрубка, спускающегося от ящика прямо к поверхности стола, не выпадет, как обычно, ничего путного? Хотя на этот раз, может статься, будет иначе. Ведь ожидание заказа во многом сродни ожиданию дождя в засуху: чем дольше ждёшь, тем с большей вероятностью именно сегодня обретёшь желаемое. И Джо решительно нажал на кнопку.

На стол скользнули три счёта.

А вместе с ними выпал и привычный грязно-серый пакетик с сегодняшним госпособием. Каждый день, получив такой вот серый пакетик с деньгами, Джо стремглав мчался в ближайший супер-пупер-обменно-маркет и проворачивал там свой немудрёный суетливый бизнес — обменивал свежеотпечатанные аляповатые купюры, пока те хоть чего-то стоили, на еду, журналы, лекарства, новую рубашку (всё равно на что, лишь бы товар имел хоть какую-то ценность). Так поступали все поголовно, ведь хранить государственные деньги

не имело ни малейшего смысла, поскольку они обычно всего за два дня теряли по меньшей мере процентов восемьдесят своей первоначальной покупательной способности.

Мужчина в соседней каморке зычно гаркнул нечто рутинное, и сквозь хлипкие стенки оно разнеслось чуть ли не по всему зданию:

- Да славится в веках наш Президент!
- Да славится! — машинально возопил Джо.

Один за другим вторить ему принялись голоса и из соседних модулей, а Джо неожиданно задумался, сколько всего в этом здании таких же, как его, каморок. Ведь тянутся же они одна за другой, одна за другой... И так — уровень за уровнем. Так сколько же здесь рассчитанных на одного работника модулей? Тысяча? Две тысячи? Две с половиной? А может, больше?

«Попробую-ка я их посчитать, — решил для себя Джо. — Вот посчитаю и выясню, сколько же людей ежедневно здесь обретается. Хотя на точный результат надеяться, конечно, не приходится, поскольку есть недавно умершие и есть ещё такие, кто заболел и на работу сегодня не явился. Да чего там, всё равно отменное занятие мне выдаётся сегодня. Но только для начала выкурю-ка я сигаретку».

Джо достал пачку табачных сигарет, естественно, строго запрещённых из-за их наркотической природы и вреда, наносимого здоровью граждан. И уже было прикурил, как

на глаза ему вдруг попался дымоуловитель на противоположной от него стене.

«Одна затяжка, и десять кредиток долой», — напомнил он себе и поспешно сунул пачку обратно в карман. Затем яростно потёр лоб, пытаясь разобраться в самом себе, определить, что за жажда поселилась глубоко внутри его и что же всё-таки подстрекает его вот уже не в первый раз преступить закон. Мысли Джо топтались на месте, спотыкались, словно заезженная пластинка.

«Чего же мне на самом деле так не хватает? Что я всё-таки пытаюсь заместить жалким суррогатом — табачным дымом? Это должно быть что-то громадное», — подумалось Джо, и в нём проснулся вдруг непомерный голод доисторического человека; возникла готовность всё вокруг пожрать; вспыхнуло жгучее желание запахнуть внутрь себя всю пустоту, всю ничьёмность окружающего мира.

И стало очевидно, что именно эти дремлющие внутри желание и голод и подталкивают Джо к как будто лично для него созданной Игре.

Джо нажал на красную кнопку и поднял трубку. Медлительные, скрипучие механизмы неторопливо соединили терминал на его столе с внешним миром, и из динамика в конце концов донеслось пронзительное «Пи-и-и», а экран крошечного монитора пошёл полосами, волнистыми линиями и разноцветными пятнами-кляксами.

Джо по памяти набрал номер. Двенадцать цифр, первые три из которых соединяли его с Москвой.

Ждать теперь пришлось совсем недолго, и вскоре на миниатюрном экране возникло лицо русского офицера-телефониста.

— Вам звонят из ставки вице-комиссара Сэкстона Гордона, — с самым серьёзным видом сообщил телефонисту Джо.

— Что, изголодались, поди, уже по Игре? — с усмешкой поинтересовался тот.

— Человекообразному двуногому для поддержания должного обмена веществ довольствоваться следует не только мукой из планктона, — в тон ему ответил Джо.

Ещё шире ухмыльнувшись, офицер переключил канал связи. Почти весь экран заняла снулая физиономия мелкого российского чиновника Лопухина. Немедленно узнав Джо, Лопухин просиял и, намеренно растягивая слова, заголосил по-русски:

— О, преславный витязь! О, достойный коновод толпы безмозглой, преступная...

— Комплименты поберегите на потом, — прервал его Джо, на которого вдруг накатило обычное его утреннее состояние — раздражение.

— Про-сти-те, — поспешно, но, опять же, всё ещё по-русски извинился Лопухин.

— У вас для меня что-нибудь есть? — поинтересовался Джо, держа на всякий случай наготове ручку.